
И. А. ЛОБАКОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

**Два письма об одном чуде:
рассказ об исцелении девицы Азанчевской
Митрофаном Воронежским**

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу двух произведений эпистолярного жанра, в которых авторы описали чудесное исцеление святителем Митрофаном Воронежским девицы Азанчевской в 1834 г. Первое письмо на 23 страницах является копией послания генеральши Ефимович М. Н. Семичеву, в котором подробно рассказано об обстоятельствах трехдневного излечения девушки Митрофаном Воронежским 10—12 августа в имении Преображенском в Смоленской губернии. Святой вернул ей возможность ходить, возвратил зрение и излечил открытую рану на груди. Автор письма была непосредственной свидетельницей этих событий. Окончательное исцеление, согласно тексту, одержимая беснованием девица получила от Богородицы в праздник Покрова. Генеральша в своем повествовании стремилась к фактографической точности и уделила внимание реакции присутствовавших при чуде (от тревоги, растерянности, страха до удивления, радости и ликования). Второе письмо об излечении Азанчевской — копия, сделанная с краткого (на двух листах) рассказа анонима, который не был очевидцем событий. Этот автор принадлежал к другой социальной среде (вероятно, был либо мелким чиновником, либо одним из клириков или слугой в доме), писал с грамматическими ошибками, знал о случившемся по слухам. В тексте анонима читается рассказ только о последнем дне чудотворений — 1 октября 1834 г., а святитель Митрофан упомянут лишь как наставник исцеленной Богородицей девушки. В письме наблюдается стремление к использованию традиционных мотивов сказаний о чудесах (принесение из храма иконы; церковное пение, которое слышится в доме; следы, оставленные Богородицей в комнате). Два рассказа об одном чуде отличаются друг от друга и по объему, и по содержанию, и по стилю. Посвященные одному событию, они позволяют увидеть, как изменялись в Новое время традиционные жанровые формы и какова роль личностного начала в стиливых особенностях произведения.

Ключевые слова: святитель Митрофан Воронежский, эпистолярный жанр, сказание о чуде исцеления, трансформация жанровой формы, Ольга Азанчевская.

Irina A. Lobakova (Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Two Letters About the One Miracle: a Tale About the Healing of the Maiden Azanchevskaya by Mitrophan of Voronezh

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of two works of the epistolary genre, in which the authors described the miraculous healing of the maiden Azanchevskaya by St. Mitrophan of Voronezh in 1834. The first letter, spanning 23 pages, is a copy of the letter of Generaless Efimovich to the landowner M. N. Semichev, which details the circumstances of the three-day healing of the girl by Mitrophan of Voronezh on 10—12 August at the Preobrazhensky estate

© И. А. Лобакова, 2025

DOI 10.31860/0130-464X-2025-72-536-551

in Smolensk province. The saint restored her ability to walk, restored her sight and healed an open wound on her chest. The author of the letter was a direct witness to these events. The final healing, according to the text, the demon-possessed maiden received from the Mother of God on the feast of the Protection of the Holy Virgin. In her narrative, the Generaless strove for factual accuracy and paid attention to the reactions of those present at the miracle (from anxiety, confusion, fear to surprise, joy and jubilation). The second letter about Azanchevskaya's cure is a copy made from a brief (2 pages) account by an anonymous person who was not an eyewitness to the events. This author belonged to a different social environment (probably, he was either a petty official, one of the clerics, or a servant in the house), wrote with grammatical errors, and knew about the events from rumors. In the anonymous text, one can read the story only about the last day of the miracles — 1 October 1834, and Saint Mitrophan is mentioned only as the tutor of the girl healed by the Mother of God. The letter shows a tendency towards the traditional motifs of tales of miracles (the bringing of icons from the temple; church singing heard in the house; footprints left by the Virgin Mary in the room). The two stories about one miracle differ from each other in volume, content and style. Dedicated to one event, they allow us to see how the traditional genre forms changed in the New Age and what the role of the personal beginning is in the stylistic features of the work.

Keywords: St. Mitrophan of Voronezh, epistolary genre, miracle of healing, genre transformation, Olga Azanchevskaya.

Традиционно формировавшиеся комплексы посмертных чудес, с литературной точки зрения, представляют явление особое: они составлялись и дополнялись на протяжении порой значительного отрезка времени разными и в различной степени художественно одаренными людьми. Рассказы о милости, явленной святым к молившим о помощи, были стилистически неоднородными. Ф. И. Буслаев отмечал: «В статьях о чудесах угодников иногда в замечательно ярких очерках выступает частная жизнь наших предков с их привычками, задушевными мыслями, с их бедами и страданиями».¹ В этой наименее этикетной части жития обычно указываются точное имя исцеленного, его социальный статус, отдельные подробности жизни и случившегося несчастья, которое стало причиной обращения к святому. Не подлежит сомнению утверждение, что именно в сказаниях о чудесах активно используется разговорная и диалектная лексика, обращается внимание на бытовые детали и содержится описание личных переживаний человека. Л. А. Дмитриев обратил внимание на крайне важную литературную черту этой жанровой формы: в них «„сюжетным“ героем выступал уже не святой, а тот, с кем чудо происходило, а это, как правило, был простой смертный, обиженный судьбой, страдающий от болезней, терпящий бедствие человек. И подобного рода персонажи были наиболее далеки от отвлеченного идеала, несли на себе отпечаток индивидуальности».² В исследованиях сказаний о чудесах святых можно отметить наличие различных подходов: реально-исторического,³ регионального (определение широты распространения культа святого среди обра-

¹ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 736. Эта особенность сказаний о чудесах была подчеркнута и В. П. Адриановой-Перетц. См.: Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 83—88, 101—107.

² Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 6—7.

³ См., например: Кистерев С. Н. Ульяна Иевлевна, жена гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева // Вестник Альянс-Архео. М.: СПб., 2020. Вып. 32. С. 89—97.

тившихся за помощью из различных регионов),⁴ с точки зрения тематического единства,⁵ развития сюжетного повествования.⁶ Отметим, что особенности, присущие древнерусской литературе, сохраняются в сказаниях о чудесах и в Новое время. Так, например, в комплексе посмертных чудес в Житии Дмитрия Ростовского, первого святого Синодального периода, опубликованном М. А. Федотовой, сюжеты оказываются достаточно устойчивыми, как и внимание к судьбам тех, кто получил помощь святого.⁷

В изданиях Жития святителя Митрофана Воронежского, канонизированного в 1832 г., сказания о его чудесах могут показаться в значительной степени связанными с существовавшей традицией.⁸

Я. Э. Зеленина, в сфере интересов которой оказалась история почитания Митрофана Воронежского, посвятила ряд исследований иконографии святителя и установлению авторства посвященных ему агиографических произведений. Исследовательница отметила, что к моменту канонизации — 25 июня 1832 г. — Николай Александрович Мотовилов (служка Серафима Саровского, оставивший записи бесед с дивеевским старцем) составил первоначальный вариант Службы святителю Митрофану с акафистом. В 1854 г. был составлен второй, беловой вариант этих произведений. После открытия в 1861 г. мощей Тихона Задонского, который, согласно добавлению к чудесам святого, совершал исцеления вместе со святителем Митрофаном, Мотовилов, как предположила исследовательница, передал митрополиту Исидору копию письма генеральши Ефимович⁹ об исцелении воронежским святителем в 1834 г. в Смоленской губернии Ольги Васильевны Азанчевской. Рассказ не был включен в корпус сказаний о посмертных чудесах святого, хотя карандашная запись слева от заглавия свидетельствует о желании дополнить список чудес: «Приготовить къ печати ко дню святителя Митрофана». Исследовательница отметила, что почерк копии схож с почерком списка Службы Митрофану, написанной Мотовиловым (РНБ, собр. СПбДА, А1/186). Я. Э. Зеленина не анализировала текст обнаруженного ею письма и не стала снабжать комментариями его публикацию в Воронежском епархиальном вестнике.¹⁰

⁴ См., например: *Федотова М. А.* Чудеса Дмитрия Ростовского: богомольцы с Русского Севера // Рябининские чтения: Материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 462—465.

⁵ Р. П. Дмитриева проанализировала те чудеса в житиях Зосимы и Савватия Соловецких, Варлаама Керетского, Иринарха Соловецкого и Антония Сийского, в которых описывалась помощь терпящим бедствие на Белом море. См.: *Дмитриева Р. П.* О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV—XVII вв.) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 645—657.

⁶ См. специальную работу: *Лобакова И. А.* Сказания о посмертных чудесах в Житии Галактиона Вологодского: К вопросу о развитии сюжетного повествования в XVII веке // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской.* М., 2015. Т. 2. С. 304—312.

⁷ См.: *Федотова М. А.* Святитель Дмитрий Ростовский. Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб., 2022. С. 134—162, 302—464.

⁸ В 1832 г. было издано «Сказание о обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях», составленное святителем Филаретом (Дроздовым), переизданное в 1833 и 1838 гг.; в 1838 г. впервые было опубликовано Житие святителя Митрофана Воронежского, подготовленное к печати святителем Филаретом (Амфитеатовым). См.: ПЭ. М., 2017. Т. 45. С. 448.

⁹ В заглавии копии письма генеральша именуется Ефимовичевой — русифицированно-разговорной формой официальной фамилии Ефимович (Яфимович).

¹⁰ См.: *Зеленина Я. Э.* О чудесах святителя Митрофана Воронежского // *Воронежский епархиальный вестник.* 2004. № 1 (71). С. 79—85. Письмо читается на с. 82—85. Статья о святом

Копия письма, написанная на бумаге в 4-ку, с читающейся филигранью — литерами ФКНГ (фабрика князя Николая Гагарина) и датой (1833),¹¹ — хранится в РНБ (собр. СПбДА, А1/347).¹² Текст, составленный в октябре 1834 г., заполняет 23 страницы. Что же отличает этот памятник эпистолярного жанра, темой которого стал рассказ о чуде «из первых рук»? Как построено повествование о событиях, свидетельницей которых стала генеральша? Какое место занимает в тексте рассказ о девице Азанчевской?

Содержание письма с очевидностью разделяется на две неравные части. В первой из них — достаточно лаконичной — генеральша излагает сведения об обстоятельствах болезни смолянки, которые, по всей вероятности, были известны по слухам соседям и родным, до того момента, когда девица оказалась в селе Преображенском, где и происходили чудеса. Автор письма сообщает, что дочь Василия Азанчевского Ольга, воспитывавшаяся в Смольном монастыре, 10 лет страдала тяжкими недугами (была одержима припадками беснования, ослепла на один глаз и утратила способность ходить: у нее нога «изболела»). Несмотря на попечение обеих императриц (первоначально Елизаветы Алексеевны, а с 1826 г. — супруги Николая I Александры Федоровны), больная попала в лазарет для безнадежных. Там с нею произошло первое чудо: девушке трижды явился владыка Митрофан, который вернул ей возможность передвигаться, правда, лишь «с помощью ленты».¹³ Однако приказание святителя рассказать о его чудесной помощи девушка не исполнила, страшась «невѣрия молодых своих подруг» (с. 2). Так в письме оказывается затронута тема веры / неверия, ставшая актуальной в 1830-х гг. и получившая развитие в дальнейшем изложении событий. Затем больная оказалась у родственницы в Москве, а после ее смерти попросилась в семью Анны Андреевны Соколовской, которая «не щадя своего здоровья, берегла ее дни и ночи» (с. 3).

Вторая часть письма, гораздо более подробная, описывает чудеса трехдневного исцеления больной святителем Митрофаном (10—12 августа) и Богоматерью (в день Покрова), свидетельницей которых стала генеральша. В этом памятнике эпистолярного жанра события изложены во временной последовательности. Кратко перечислю ключевые моменты повествования.

10 августа дочь Соколовского Елена Павловна Лыкишева, направляясь с маленьким сыном к врачу, остановилась в имении, где ей во сне явился умерший слуга, предупредивший женщину о чудесах, что случатся в доме ее отца. Приехав в Преображенское, она обнаружила, что по непонятным причинам в имение съехалось множество родных и знакомых. С 10 часов вечера до полуночи припадки больной усилились. Явившийся ей святитель Митрофан вернул Ольге возможность ходить, видеть и исцелил открытую рану на груди, после чего в 4 утра она открыла присутствующим имя вернувшего ей физическое здоровье святого.

в Православной энциклопедии написана И. А. Устиновой (биографическая часть) и Я. Э. Зелениной (история почитания и иконография); см.: ПЭ. Т. 45. С. 442—461.

¹¹ Клепиков, I. С. 68, № 697—700 (1832—1834 гг.).

¹² Цитаты приводятся в тексте статьи по этой рукописи (с указанием страниц в скобках).

¹³ Специальное приспособление (обычно широкая лента из грубого льна, с зафиксированными на поясе концами), которое было призвано придать некоторую устойчивость потерявшей подвижность ноге и позволяло с большей свободой опираться на костыль.

Рассказ о событиях, относящихся к 11 августа, включает приветствие Митрофана, молитву девушки, описание усилившихся припадков, слова Азанчевской о явлении ей в 12 часов ночи святителя и его обещании «открыть ей жизнь, смерть и Царствие Небѣсное» (с. 8). Генеральша привела просьбу Ольги переодеть ее в чистую рубашку, которая будет освящена чудотворцем в следующую ночь.

12 августа, как читается в письме, с 10 часов вечера до трех ночи припадки несчастной усилились. Явившийся святой открыл книгу жизни, куда были вписаны все ее поступки и помыслы. Страдания девушки не прекращались, и она, как показалось окружающим, умерла: ее тело начало местами вспухать и покрываться синими пятнами. Но вдруг они исчезли, а Азанчевская открыла глаза со словами: «Ахъ, какъ хорошо и свѣтло!» (с. 10). После этого она попросила святителя благословить всех присутствующих и сама получила благословение Митрофана и его наставление. Как сказал святой, снятая с больной рубашка будет исцелять больных, а ангел-хранитель станет для девушки постоянным помощником.

Как сообщается в письме, от ангела Ольга получила дар ясновидения, отвечала не только на вопросы, но и на мысли каждого и сокрушалась о неверии — главном искушении присутствующих. В сопровождении всех гостей она 18 августа поехала в Смоленск к иконе Богородицы, а вернувшись в Покровское, сообщила, что в самый день Покрова Богородица покровляет ее своим омофором. Всех приходящих, кого прежде она не могла знать из-за своей болезни и видела впервые, Ольга называла по имени, различая тех, кто пришел с верой, и тех, кого привело любопытство.

В праздник Покрова, 1 октября, к Соколовским съехались 60 человек. Ефимович пишет, что девушка вдруг ослабела, страдая о неверующих. К 9-му часу присутствующие уверились, что Азанчевская умирает. Однако Ольга неожиданно ожила. Она оказалась чудесным образом поднята с постели на пол и получила благословение Богородицы, после чего стала совершенно здоровою. Завершается письмо сообщением о великой радости, охватившей всех присутствующих.

Следует отметить, что названные автором письма люди действительно жили в Смоленской губернии в указанное время.

Василий Демьянович Азанчевский (1772—1823) — представитель старого смоленского дворянства. Известно, что в 1802 г. он был уволен по собственному прошению со службы в звании капитана, за ним числилось 1500 душ в Смоленской и Орловской губерниях. Женится в 1804 г. на вдове Ольге Николаевне Безобразовой (урожд. Повало-Швейковской), в браке с которой у него родились сыновья Александр и Николай и четыре дочери: Ольга, Екатерина, Анна и Варвара. Оба брата проходили службу в кадетском корпусе в Петербурге, потом — в кавалерийском полку, поэтому взять к себе больную сестру не имели возможности.¹⁴ Жена помещика Павла Егоровича Соколовского, Анна Андреевна Соколовская (урожд. Реед), самоотверженно ухаживавшая за больной, приходилась по линии своей матери Анны Демьяновны Азанчевской несчастной Ольге теткой. Елена Павловна Лыкишева справед-

¹⁴ История дворянского рода Азанчевских (№ 16—22; 21—16; 22—16) // Рославльская правда. URL: rospravda.ru/2014/07/1292 (дата обращения: 27 декабря 2024 г.).

ливо названа в письме дочерью П. Е. Соколовского: ее матерью была первая жена помещика — Софья Степановна Храповицкая, после смерти которой он женился на А. А. Реед.¹⁵ Правда, в копии сделана ошибка в написании фамилии Елены: она Лыкошина, а не Лыкишева.¹⁶ Об авторе письма — генеральше Ефимович — известно немного (в копии не указаны ее имя и отчество), но ряд фактов, как представляется, можно восстановить. Во-первых, по воинскому званию мужа, как правило, в XIX в. называли вдову; таким образом, весьма вероятно, что письмо писала вдова генерала по фамилии Ефимович.¹⁷ Во-вторых, письмо адресовано рославльскому помещику Михаилу Николаевичу Семичеву. Известно, что он был владельцем усадьбы Трехбратское и в 1812 г. входил в состав Комиссии при Министерстве финансов по подсчету погибших и помощи пострадавшим от Наполеоновского нашествия;¹⁸ в 1823—1825 гг. был избран почетным предводителем дворянства. Подписывая письмо, генеральша назвала себя сестрою адресата; начиная послание, обошлась без привычных эпистолярных формул вступительной части,¹⁹ сразу перейдя к изложению событий: «Спѣшу сообщить Вамъ самое существенное событие въ жизни нашѣй: какие чудотворения милосердия Божия явлены намъ!» (с. 1). В-третьих, автор письма назвала сестрой и Анну Андреевну Соколовскую. С большой степенью вероятности можно предположить, что генеральша приходилась М. Н. Семичеву и А. А. Соколовской родственницей (сестрой или кузиной).²⁰ Письмо написано хорошим слогом, свидетельствует о стремлении следовать грамматическим нормам своего времени, о внимании к фактологической точности рассказа.

Описания чудес в письме Ефимович отличаются, как представляется, двумя стилистическими особенностями. Во-первых, автор фиксирует увиденное *непосредственно* ею, не додумывая того, чего сама не увидела или не услышала.

¹⁵ Колечицкая А. И. Мои записки от 1820-го года / Публ. Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернака // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. С. 291.

¹⁶ В Родословной книге Смоленского дворянства в 1-й книге читаются сведения о роде Лыкошиных. В 1815 г. Ф. И. Лыкошин был смоленским губернским предводителем. См.: Шпиленко Д. П. Материалы к родословию Смоленского дворянства: В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 194.

¹⁷ Род Ефимовичей (Яфимовичей) внесен в Родословную книгу Смоленской губернии, упомянут во 2-й ее части (военное дворянство), 3-й (пожалованное дворянство «через орден») и 6-й (древние благородные фамилии). См.: Список дворянских родов, внесенных в родословные книги Смоленской губернии: Составлено в 1897 г. Смоленск, 1897. С. 81, № 460. К смоленскому дворянству, как удалось выяснить, принадлежал генерал-майор Иван Львович Яфимович (1781—1831), участник войны с Наполеоном (Аустерлиц, Островна, Бородино, Кульм, Лейпциг) в составе лейб-егерского полка. Награжден русскими и прусскими орденами, много раз был ранен. В 1825 г. уволен по болезни. См.: *Безотосный В. М. и др.* Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив: История Общества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1996. Т. 7. С. 635—636. Если генерал женился после отставки, то сведений об этом в военном формуляре могло не оказаться.
¹⁸ См.: Смоленское дворянское ополчение 1812 года / Сост. И. П. Лесли. Смоленск, 1912. С. 34. Отметим, что депутатом в Вильну с прошением о помощи в работе комиссии был отправлен ельнинский предводитель дворянства П. В. Соколовский; представителем комиссии по Смоленску назван А. П. Реед, отец А. А. Соколовской.

¹⁹ Впрочем, нельзя исключить, что при создании копии письма его начальные формулы были сняты.

²⁰ Д. П. Шпиленко, занимающийся родословием смоленского дворянства, высказал намерение в будущем издании представить поколенную роспись Соколовских и Яфимовичей. См.: Шпиленко Д. П. Материалы к родословию Смоленского дворянства. Кн. 2. С. 609. Это могло бы прояснить родственные связи персонажей, упомянутых в письме.

В том случае, когда генеральша не была свидетельницей произошедшего, она излагала слова непосредственных участников событий. Во-вторых, ей удалось сосредоточить свое внимание не только на обстоятельствах чудесного исцеления, но и на *реакции* тех, кто стал их свидетелем. Эти две особенности сохраняются на протяжении всего письма.

Обратимся к его тексту. В письме указана точная дата начала событий: «10-го августа были начала чудотворений» (с. 3). Причем чуду с исцелением Ольги предшествует, как упоминается в письме, чудесное явление во сне дочери Соколовского Елене Павловне умершего слуги, который предупредил о грядущих чудесах в доме ее отца в эту ночь. Приехав в Преображенское, женщина обнаружила, что туда «многие родные съѣхались, не зная сами почему» (с. 4). Очевидно, что именно так в доме оказалась и сама Ефимович. Всё, что видела генеральша, она описывала, не пытаясь дополнить «картинку». После упоминания об усилившихся 10 августа после 10 вечера припадках беснования в письме говорится, что в 12 часов болящая воскликнула: «„Вѣрую, святой угодникъ, вѣрую. Но я безъ ленты ходить не могу“». Сии и нижеслѣдующие слова отрывисты, какъ будто кому-то отвѣчала. И опять: „Вѣрую, вѣрую!“ Вскочила и, кинувшись къ ногамъ угодника, цѣловала полъ, читала какъ бы за кѣмъ молитву» (с. 4). Т. е. генеральша не «восстанавливала» по смыслу обращенные к девушке слова святого, а передала лишь то, что слышала сама, оставляя в диалоге слова только одного лица — Ольги. При этом жесты болящей и сами мизансцены воссозданы с большой точностью, что свидетельствует о желании автора объяснить происходящее («слова отрывисты, какъ будто кому-то отвѣчала», «вскочила», «кинувшись къ ногамъ», «читала какъ бы за кѣмъ молитву»). А далее автор письма обращает взгляд на окружающих: «Но всѣ были въ такомъ волнении, что никто не собрался съ силами за нею писать» (с. 4—5).

Достаточно лаконичным оказалось сообщение о том, как Митрофан возвращает Ольге зрение. Переданы только реплики и действия больной: «„Не могу открыть глаза, уже 10 лѣтъ закрыты. Вѣрую, вѣрую!“ И кинулась къ ногамъ угодника. Послѣ же какъ-будто наклонилась подъ Евангелие, подходила подъ благословѣние подъ руки» (с. 5). Отметим, что в тексте письма нет описания результата действий святителя: об открывшихся после исцеления глазах больной сведений не содержится.

Третьим чудом этой ночи является излечение страшной раны на груди, «въ которую еще утромъ Анна Андрѣевна вкладывала много корпии.²¹ Вдругъ вскрикнула: „Помазаль! Помазаль!“ Какое же было поражение всѣхъ предстоящихъ, когда увидели, что рана исчезла!» (с. 5). В данном фрагменте явления разного порядка оказались рядом: бытовая деталь (корпия, которая была вложена в рану теткой), чудо помазания святого и слова о потрясении присутствующих. Свидетели произошедшего, как явствует из письма, не знали о том, кто избавил Азанчевскую от страданий, и не решились спрашивать об этом девушку. Она сама «упала на кровать въ сильной слабости и, отдохнувши, спрашивала: „Видѣли ли вы угодника святаго?“». Для Ефимович важно подчеркнуть, что святого Митрофана видела только Азанчевская, при-

²¹ Корпия — нащипанные из старой льняной ткани нитки, употреблявшиеся в прошлом в качестве ваты при обработке значительных раневых поверхностей.

сутствующие были лишены подобной возможности: «Нѣтъ, мы недостойны такой благодати» (с. 5). И далее исцеленная открыла собравшимся то, что видела и узнала сама: «Онъ придетъ завтра и послѣзавтра. И другой съ нимъ былъ — Тихонъ Задонский. Но я не могла его рассмотреть! Такъ было отъ него свѣтло. Онъ принималъ Евангелие отъ святаго угодника Митрофана» (с. 5—6). Таким образом, своим исцелением Ольга обязана двум святителям: Митрофану Воронежскому, который второй раз явился ей на помощь, и Тихону Задонскому, который появился в ее жизни лишь раз. Важно подчеркнуть, что Ефимович не просто описывала произошедшее, но и пыталась передать эмоциональное состояние участников событий.

Рассказывая об 11 августа, автор строит свой рассказ иначе, опираясь не только на свои впечатления, но и, как можно предположить, на записанные ею уже после событий слова самой исцеленной. Так, генеральша привела приветствие святителя к болящей («Вотъ и я къ тебѣ на помощь твоихъ страданий, я присланъ от Бога исцѣлить тебя...») и молитву Ольги к угоднику Митрофану. Ефимович привела лишь заключительные слова, свидетельствующие о готовности девушки к смерти: «Угодно тебѣ исцѣлить меня — я буду прославлять благодать, милость и имя твое. Угодно тебѣ прекратить жизнь мою — я, на одрѣ смерти лежаща въ изнеможении силъ, скажу: „Да будетъ воля твоя“» (с. 6—7). Автор письма, ссылаясь на рассказ Ольги, сообщает о выговоре святого, который был получен ею, так как Азанчевская не рассказала о его помощи в Петербурге другим смолянкам, как ей было велено. На слова девушки о страхе чужого неверия, который стал причиной умолчания, Митрофан ответил: «Кто не вѣритъ, постраждетъ болѣе тебя» (с. 7). Возможно, именно непослушание святому во время первой встречи в больнице стало причиной неполного излечения девушки. А в письме Ефимович тема неверия дополняется темой неизбежного наказания за него.

Теперь физически исцеленная Ольга продолжает быть мучима бесами, которые, как полагает автор письма, повторяли, что «брат ея и Лыкишева (Елена, дочь хозяина дома. — *И. А.*) не истинно вѣрующие: вѣрующие, но вѣра ихъ пополамъ съ любопытствомъ» и что она сама «сильнѣе от того страждетъ» (с. 8). Просьба девушки о чистом белье, как свидетельствует текст, объяснена ее словами, что эта рубашка будет освящена. Азанчевская передала слова святителя Митрофана, который обещал открыть перед ней «жизнь, смерть и Царство небесное» (с. 8). Книга ее жизни, в которую оказались вписаны с самого детства все добрые и дурные дела и помыслы героини, пугает и саму девушку, и присутствующих: «Она закричала: „Какъ тяжело... Заступи, помоги, выведи“, и как бы оборонялась отъ кого-то. В сие время тѣло ея кусками вспухало и дѣлалось синими пятнами. Потомъ въ трепетѣ и изступлении вскрикнула: „Ах, какъ хорошо и свѣтло!“» (с. 9—10). Окружающим «видѣнь былъ необыкновенный восторгъ на ея лицѣ» (с. 10). Но смерть, с которой были готовы смириться присутствующие, отступила, оставив Ольге вопросы: «Для чего же мнѣ еще здѣсь жить? Кому нужна жизнь моя?» (с. 10). Очевидно, что рассказ генеральши о втором дне чудесного врачевания целиком посвящен Азанчевской, в значительной степени опираясь на рассказы самой исцеленной; ремарки о чувствах свидетелей более лаконичны, чем в описании первого дня.

Для автора письма важно отметить, что исцеленная словно старалась распространить чудотворение на всех присутствующих, желая приобщить их

к той радости, к которой оказалась причастна сама. Осознав свершившееся с нею чудо, Азанчевская обратилась к святителю Митрофану: «„Угодникъ, молю тебя благословить всѣхъ, кого я назову“. И стала называть съ разстановкою, как бы давая угоднику повторять, всѣхъ предстоящихъ, много отсутствующихъ и всѣхъ православныхъ христианъ» (с. 10). Как видим, генеральша вновь с максимальным вниманием отнеслась к паузам в словах девушки, объяснив их тем, что святителю было необходимо время для повторения имен благословляемых. Реакция окружающих описана кратко: «Тут всѣ съ воплемъ кинулись подъ ея руки» (с. 10—11). Далее Ефимович записывает «отпуст» святителя Митрофана, впервые не проясняя, рассказала ли о нем исцеленная или его слышали все присутствовавшие: «Старайся приобрѣсть наставника, богомудрие, смирение, кротость, терпѣние, любовь и несомненную надежду на милосердіе Творца. И да будетъ твоимъ путеводителемъ вѣра» (с. 12). Чудеса в Преображенском завершаются просьбой Ольги отвезти ее в Смоленск и снять с нее рубашку, которая, как сказал ей святитель, будет исцелять больных (т.е. сила целительства перенесена на предмет, находившийся на героине при ее смерти / воскресении).

Генеральша отмечает, что в Смоленске Азанчевская «безъ затруднения и помощи всходила и сходила по лѣстницамъ цѣлую недѣлю, была совершенно здорова, но часто задумчива, молчалива и сонлива» (с. 13). Далее говорится об открывшемся у нее даре ясновидения: за неделю до Покрова в полусне она отвечала на мысли каждого, ссылаясь на помощь ангела. Тогда же предсказала, что в день Покрова Богородица покроет ее своим омофором, и все станут свидетелями чуда. О реакции окружающих сообщается кратко: «Тут всѣ въ полномъ восторгѣ хотѣли послать къ своимъ знакомымъ», однако их суетное стремление было решительно пресечено Ольгой: «Довольно будетъ тѣхъ, кому нужно быть» (с. 13—14). Ефимович отметила, что в ожидании праздника девушка переходила из комнаты в комнату, объясняя это адресату желанием, «чтобы весь домъ освятить присутствиемъ сопутствующаго ей Ангела» (с. 14—15).

День праздника Покрова, как сообщается в письме, оказался насыщен событиями. Азанчевская наставляла в вере приехавших в Преображенское, но запретила записывать за собою. Не названная по имени дама, почувствовав «неизъяснимый трепетъ» (с. 16), не посмела приблизиться к Ольге, а, поднявшись на третий этаж, стала молиться. В письме генеральши появился сюжет раскаявшейся грешницы, о которой девушка не только молилась сама, но и, обняв ее, произнесла, что считающие себя более достойными, нежели эта дама, люди «не знаютъ, что она была послѣдняя, а теперь первая» (с. 17). Хотя об имени дамы автор умалчивает, из текста ясно, что адресат должен догадаться, о ком идет речь. Мотив искреннего раскаяния как пути спасения для грешных в письме генеральши, как видим, также был затронут.

Предсказанный день окончательного исцеления оказывается самым мучительным и для ослабевшей больной, и для очевидцев: «Начались страдания — тоска о невѣрующихъ, и такъ она мѣталась, что боялись даже, чтобы у нее не отвалилась голова. Многие не могли смотрѣть и вышли изъ комнаты» (с. 18—19). Описание реакции окружающих лаконично, но говорит о глубоком сострадании к мучительному положению девушки. Кульминацией стал рассказ о смерти и возвращении к жизни Азанчевской. Как представляется, в письме содержится неожиданно жесткое, почти физиологически точное описание

физической смерти: «Къ 9-му часу опять комната ея наполнилась, и многие думали, что она оканчиваетъ жизнь: грудь у ней стала дугою, ужасно вздулась, желудокъ опустился, и вся охладѣла, хрипота и тяжелое дыхание такое, какъ бываетъ у умирающихъ, потомъ икота» (с. 19). Взгляд автора письма сосредоточен на состоянии Ольги: «Но вдругъ она потянулась так, что всѣ въ нѣй кости затрѣщали, лицо вдругъ оживилось, глаза заблестали какою-то небѣсною радостью, она подняла руки къверху: „Ах, Богородице!“» (с. 19—20). В описании чудесного возвращения больной от смерти к жизни в тексте вновь появилась физиологическая деталь («всѣ въ ней кости затрѣщали»), при этом она была дополнена констатацией эмоционального подъема героини («лицо вдругъ оживилось», «глаза заблестали какою-то небѣсною радостью»).

Далее генеральша не только описала происходящее, но и получила возможность, согласно тексту письма, вместе с другими и видеть совершение чуда, и слышать слова Богоматери: «И видятъ всѣ, какъ болящий вытянутый корпусъ, не сгибая никакого члена, опускается съ постели. И, нисколько не сгибаясь, она встаетъ, дрожить необыкновенною силою. „Ниже, ниже!“ При сихъ словахъ она гнетъ свою голову, не сгибая колен, и сводитъ ея к ногамъ (это былъ поклонъ ея Богородицѣ)» (с. 20). После миропомазания Ольга, получив благословение Богоматери, стала называть по имени каждого из свидетелей чуда (никого до этого не зная и прежде не имея возможности видеть) и просила о милости для всех окружающих. Генеральша вновь описала состояние очевидцев: «Не можно себѣ представить, какой сдѣлался гулъ и рыдание! Всѣ лѣжали ницъ отъ страха» (с. 21). Ольга просила Богоматерь за всех присутствующих, отсутствующих и всех православных христиан. Затем Ефимович упомянула о еще одном сверхъестественном движении исцеленной: «Вытянутый ея корпусъ какъ бы на воздухѣ, не згибаясь, подвинулся на постелю» (с. 21). Кратко автор письма описывает действия Богоматери: «Богородица покрыла ея своимъ святымъ омофоромъ» (с. 21). Так произошло окончательное избавление девушки от страданий, начатое святителем Митрофаном Воронежским.

Письмо заключает попытка автора передать всеобщее ликование. О самой исцеленной она замечает достаточно кратко: «Вдругъ стала совершенно здоровою; веселость и радость были у ней неизъяснимыя». Гораздо больше внимания уделено свидетелям чуда: «Теперь вспоминаю что-то необыкновенное: я застала тамъ болѣе 40 человекъ, многие были между собою въ весьма дальнимъ знакомствѣ, другие даже въ неприязни, и какъ видѣли, что сей день былъ освященъ такою святынѣю, всѣ съѣхавшіеся были друзьями! Всякое дурное чувство и мысли были отъ нихъ отдалены, всѣ мы радостно плакали, обнимая другъ друга какъ самоближайшихъ, каждый изъ насъ чувствовалъ такое добродушие, которое могло бы всю жизнь нашу здѣлать благополучною. О, если бы могли такъ быть счастливы, чтобы всегда оно ощущать!» (с. 23). Переход свидетелей чуда от ужаса к всеобщей радости, с одной стороны, достаточно традиционен, с другой — автор письма оказалась целиком сосредоточена на том ощущении счастья, которым были охвачены все приехавшие в Преображенское.

Обнаруженное нами еще одно письменное свидетельство об этом же чуде (РНБ, НСРК, Q.129) не привлекало прежде внимания исследователей — возможно, потому что в нем имени исцеленной и целителя в заглавии документа не содержится: «Чудное изцеление одной благородной девицы, случившееся

въ 1834-мъ году в 1-й день октября месяца, нашей, то есть Смоленской, губернии» (л. 1). Текст озаглавлен «Списокъ» (т.е. копия), которая, возможно, была сделана для составления корпуса чудес Богородицы в Смоленской губернии, что, как представляется, объясняет отсутствие примет эпистолярного жанра. Послание это совсем короткое: оно читается на сложенном вдвое листе в 2-ку; на листах обнаруживаются одиночные филигранные литеры «Е» и «Б» (фабрика Елизаветы Баташевой).²² Письмо написано анонимом, принадлежащим к иному социальному кругу, чем генеральша Ефимович. Автор не вполне свободно владел пером, в тексте немало грамматических ошибок («Инстутутъ», «присудствовали», «на ставит ея»; предлог «от» передан в подавляющем большинстве случаев как «од» и мн. др.), буква «ѣ» им не используется. Автор этого текста не был очевидцем события, но в своем рассказе об исцелении опирался на слова очевидца (слуги, кого-то из церковного клира или мелкого чиновника). Со всей определенностью можно утверждать, что с письмом генеральши Ефимович он знаком не был. В качестве подтверждения данного тезиса приведем два примера в сопоставительной таблице.

Письмо анонима	Письмо генеральши Ефимович
<p>1. «Изъ благородныхъ нескудной фамилии одна девица въ молодыхъ летахъ отъдана была въ С.-Петербургскій Инстутутъ и несколько времени провела в ономъ въ здоровомъ положеніи. Потомъ заболела и лишилась употребленія руки, ноги и глаза так, что нога приведена была судорогами въ полъроста ея, рука — за голову, и больная не могла двинуться съ места безъ помощи другихъ» (л. 1).</p> <p>2. «Была въ больнице несколько времени въ С.-Петербурге» (л. 1).</p>	<p>«Дочь Василя Азанчевскаго воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и 10 лѣтъ одержима была ужаснейшими болѣзнями: она имѣла припадки бѣснованія, слѣпа на одинъ глазъ и имѣла ногу изболѣвшую» (с. 1—2).</p> <p>«Объ монархини (покойная и нынѣшняя) приложили о ней многомилостивѣйшее попеченіе, но все искусство докторовъ были для нѣя бесполезны, и она оставалась в лазаретѣ безнадежныхъ» (с. 2).</p>

В письме неизвестного автора содержится рассказ лишь о последнем из дней чудотворений — празднике Покрова. О помощи святителя Митрофана в Петербурге не упоминается, как и о трех днях исцеления им Азанчевской в Преображенском. Содержание письма, гораздо более краткого, чем письмо генеральши Ефимович, заметно отличается от последнего. Примечательно, что имени исцеленной в тексте письма не содержится — она обозначена автором самым обобщенным образом: «из благородныхъ нескудной фамилии одна девица» (л. 1). При этом очевидно, что в произведении анонима появляются известия, которые отсутствуют в тексте свидетельницы случившегося. Так, описание физического состояния больной, в котором она находилась до чудесного исцеления, дополнено рядом подробностей: «нога приведена была судорогами в полъроста ея, рука — за голову» (л. 1). В кратком упоминании о пребывании девушки в Москве не читается известия о просьбах больной

²² Клепиков И, с. 152—153. Елизавета Осиповна (урожд. Москвина), дочь московского купца 1-й гильдии, вторая жена Ивана Егоровича Баташова, 29 лет управляла после смерти мужа фабрикой, которую продала в 1831 г. купцу И. А. Щекину. Умерла в 1833 г. См.: *Алексеева Е. Г.* Ивантеевка сегодня. URL: <http://ivanteevka.today-28.08.2018> (дата обращения: 27 декабря 2024 г.).

к тетке отвезти ее в Воронеж, к могиле Митрофана, однако добавлено, что после смерти родственницы больная *«роднымъ своимъ братомъ»* отъезжена *«близь Смоленска въ 8-ми верстахъ къ дальнему ея родственнику помещику Соколовскому»* (л. 1). Важно, что анонимный автор не только уточнил расположение Преображенского, но и отметил роль брата больной в переезде ее к смоленской родне. Кроме того, судя по тексту, решение об этом переезде принял именно брат (в письме Ефимович сообщается, что событие произошло по просьбе самой Ольги). Более того, если генеральша не единожды подчеркивала особую роль А. А. Соколовской в уходе за племянницей, то в анонимном свидетельстве она не упоминается вовсе.

Все события в письме анонима «спрессованы» во времени или изменены. Так, беснованием несчастная страдала «малое время» (л. 1): как полагал автор письма, оно случилось уже в доме родни. Мучительные приступы сменились полным изнеможением, в котором больная пребывала шесть недель: девица не могла ничего есть и была не в силах встать с постели. Вот тогда-то, «лежа начала она предсказывать маленькии чудеса въ доме, кои събывались» (л. 1 об.). Но о сути чудес ничего не сказано. В день Покрова Богородицы в 1834 г. больная «объявила хозяину, что будет в сей самый день изъцелена от болезни» (л. 1 об.). Таким образом, в событиях, предшествовавших исцелению, вновь была подчеркнута роль Соколовского. Важно, что девушка «для сего просила пригласить изъ Смоленска *какъ можно более благородныхъ особъ, а особливо техъ, кои сомневаются въ векахъ о сказанныхъ милостяхъ Творца къ роду смертныхъ»* (л. 1 об.). Данное желание, о котором говорится в письме анонима, как видим, не совпадает ни с рассказом о необъяснимом приезде в Преображенское родных и знакомых Соколовских и Азанчевских, ни с требованием Ольги никого специально не приглашать в имение в день праздника Покрова, о чем упомянуто в письме Ефимович. Число свидетелей чуда в тексте указано предельно точно: 87 человек, при этом среди них поименован генерал Иаков Романович Храповицкий, представленный анонимом как бывший Смоленский губернатор. В письме Ефимович имя этого свидетеля — участника войны с Наполеоном, генерал-майора, смоленского губернатора с 1823 по 1829 г. — указано верно: Ассон (Иассон) Семенович Храповицкий (с. 19).

Для анонима важно, что чудом исцеления девица обязана самой Богоматери. Причем он пытался изложить произошедшее, опираясь на традиционные мотивы сказаний о чудесах от иконы. Так, из приходской церкви «поднять былъ образъ Божия Матере, и отъправлено молебное пение» (л. 1). Именно эти события повлекли за собой дальнейшее чудесное исцеление: «Начинается въвиду всехъ чудо: больная отъ одра невидимою силою подымается на значительную высоту, лежавшая возносится на средину залы и поставляется на одну ногу» (л. 1). В отличие от свидетельницы, передававшей лишь то, что она сама слышала, автор этого письма в своем описании пытался привести слова обеих сторон: «Въдругъ *все присутствующие слышатъ* (выделено мною. — *И. Л.*) гласъ: „Простри больную ногу“. Нога больная опускается. И потомъ тотъ же гласъ: „Простри руку!“ Опускается больная рука и глазъ поврежденный совершенствуется» (л. 1 об.). Осталась «рана необыкновенной величины» на груди, и девушка просит Матерь Божию, «какъ здесь присутствующую, изъцелить рану. Въ мгновении сия рана въ виду всехъ покрывается плотию!» (л. 1 об.). В тексте остается не до конца решенной проблема, кто же сотворил

это чудо: икона Богородицы или сама Богоматерь. Однако далее сомнений, казалось бы, не остается: «Благодарная изъцелившаяся съ сокрушениемъ сердечнымъ просить въслухъ Божию Матерь покрыть ея омофоромъ. Гласъ повелеваетъ ей наклонится, она наклоняется» (л. 2). Как видим, кульминационная по сути сцена изложена кратко, а мотив спасительной силы покрова Богородицы в тексте остался не разработан.

Далее аноним оказывается вовлечен в произошедшее, которое неожиданно описывает как очевидец: «И ето кто изъ насъ въ силахъ почувствовать трепетный восторгъ присутствующихъ отъ пении: вьдругъ несколько голосовъ съ наиприятнейшею и неслыханною кроме вселенскихъ пастырей гармониею! Звонъ колоколовъ раздается по всему дому и слышать только въ немъ» (л. 2). Так в письме появился мотив небесной музыки, а чудо исцеления оказалось связано со службой Покрову.

Святитель Митрофан в повествовании оказывается лишь в роли наставника исцеленной, задавшей вопрос: «Как жить?» — и выразившей намерение уйти в монастырь. Однако ей было велено жить в миру, поэтому последовавшее после этих слов предсказание девицей собственной смерти представляется несколько неожиданным. Аноним кратко сообщил, что она шесть часов лежала как мертвая, потом содрогнулась и ожила и «теперь живетъ, слава Господа» (л. 2 об.). А завершает свой рассказ автор письма словами: «На томъ месте, где присутствовавшие особы слышали гласъ, на полу комнаты видны следы ногъ, какъ будто вдавленные пядины» (л. 2 об.). Так в письме появляется еще один известный (в основном по паломнической литературе) мотив — следов Богородицы, оставленных на месте чудесного явления.²³

После текста письма читается запись: «Анна Сергевна Азанчевская Безобразова фамилия изъцелевшей» (л. 2 об.). В этой записи слились имя сестры Ольги — Анна — с отчеством и фамилией ее матери, что подтверждает предположение о том, что аноним не был знаком с героями описываемых им событий и об обстоятельствах исцеления имел весьма относительное представление. Однако его письмо свидетельствует о стремлении описать чудо, опираясь на традиционные модели сказаний о чудесах от иконы (обращение к иконе Богородицы, молебен, исцеление).²⁴

Как видим, два письма об одном чуде отличаются друг от друга столь сильно, что общих черт оказывается меньше, чем различий. Личность автора

²³ Мотив следов, оставленных Христом, Богоматерью или известными святыми на месте их явления на земле, достаточно устойчив. Камни-следовики становились предметом поклонения верующих, а зачастую и основой сюжетов топонимических легенд. Так, И. В. Федоровой отмечен повторяющийся в паломнической литературе рассказ об отпечатке руки Христа на месте первого падения по пути на Голгофу и следе левой стопы на камне на Елеонской горе близ храма Вознесения Господня. См.: Паломнические путешествия на Святую землю: «Путевые записки» подпоручика Ильи Сысоева; Путешествие крестьянина Якима Васильева; Путешествие девицы Анны Алексеевны / Подгот. текста и коммент. И. В. Федоровой // БЛДР. СПб., 2020. Т. 20. С. 189, 191, 215, 241, 245. Наиболее популярным в России XIX в. было описание следа, оставленного Богородицей на камне в Почаевской лавре, известное по многочисленным изданиям XVII—XIX вв. Впервые оно было упомянуто Иоанником Голятовским в его произведении «Небо Новое, з новыми звездами сотворенное...» в 1665 г. Позже эти сведения попали в рассказ о Почаевской обители «Гора Почаевская» (см. издания 1742, 1757, 1772, 1793, 1803 гг.).

²⁴ См., например, Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы, имеющую богатую рукописную традицию: БЛДР. СПб., 2006. Т. 14. С. 24—53 (подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Панченко).

(степень его близости к пострадавшей, понимание событий, стремление к точности или существовавшей модели) в том и другом случае определила стиль повествования, наделив каждый из текстов яркой индивидуальностью.

Текст письма анонима публикуется по списку РНБ, НСРК, Q.129.

Список

л. 1

Чудное изцеление одной благородной девицы, случившееся въ 1834-мъ году въ 1-й день октября месяца, нашей, то есть Смоленской, губернии¹

Изъ благородныхъ нескудной фамилии одна девица въ молодыхъ годахъ отъдана была въ С.-Петербургскій Инстетуть и несколько времени провела в ономъ въ здоровомъ положеніи. Потомъ заболела и лишилась употребленія руки, ноги и глаза так, что нога приведена была судорогами въ полъроста ея, рука — за голову, и больная не могла двинуться съ места безъ помощи другихъ. Была въ больнице несколько времени въ С.-Петербурге.

Потомъ родною ея теткою привезена въ Москву, а по смерти тетки ея роднымъ своимъ братомъ отъезжена близъ Смоленска въ 8-ми верстахъ, къ дальнему ея родственнику помещику Соколовскому, где въ томъ же болезненномъ состояніи провела несколько времени. Потомъ малое время была одержима беснованіемъ, а по прошествіи онаго выпала въ совершенное изнеможение, продолжающееся 6 недель.

Въ это время не только пищи какой, но и воды мало употребляла. По окончаніи шестинедельной сильной болезни почувствовала она облегчение и начала употреблять пищу, но с одра болезненнаго лишениемъ членовъ сходить не могла. Лежа начала она предсказывать² маленькіи чудеса въ доме, кои събывались.

Но въ день Покрова Богородицы 1834 года // она объявила хозяину, что л. 1 об.будетъ въ сей самый день изцелена одъ болезни. Для сего просила пригласить изъ Смоленска какъ можно более благородныхъ особъ, а особливо техъ, кои сомневаются въ векахъ о сказанныхъ милостяхъ Творца къ роду смертныхъ. Хозяинъ выполнилъ ея желаніе, собралось 87 человекъ благородныхъ, кроме живущихъ въ доме. Въ семь числе былъ помещикъ генераль Иаковъ Романовичъ Храповицкій, бывший Смоленскій губернатор, который сообщаетъ самъ о семь.

Изъ приходской церкви поднять былъ образъ Божия Матере, и отъправлено молебное пение. Начинаетъ въ виду всехъ чудо: больная отъ одра невидимую силою подымается на значительную высоту, лежавшая возносится на средину залы и поставляется на одну ногу. Въдругъ все присудствующие слышать гласъ: «Простри больную ногу!» Нога больная опускается. И потомъ тотъ же гласъ: «Простри руку!» Опускается больная рука, и глазъ поврежденный совершенствуется. Но упредить нужно, что больная имела на груди рану необыкновенной величины отъ рака. Чувствуя себя здоровую всею теломъ кроме раны, она вслухъ всехъ молитъ Матерь Божию, какъ здесь присудствующую, изцелить рану. Въ мгновении сия рана³ въ виду всехъ покрывается плотію!

¹ Испр., в ркп губерни.

² Испр., в ркп пребсказывать.

³ Испр., в ркп рака.

л. 2 Благодарная // изъцелившаяся съ сокрушениемъ сердечнымъ просить въслухъ Божию Матерь покрыть ея омофоромъ. Гласъ повелеваетъ ей наклониться, она наклоняется. И ето кто изъ насъ въ силахъ почувствовать трепетный восторгъ присутствующихъ отъ пении: въдругъ несколько голосовъ съ наиприятнейшею и неслыханною кроме вселенскихъ пастырей гармониею! Звонъ колоколовъ раздается по всему дому, и слышать только въ немъ, между темъ какъ приходская церковь находится въ дальнемъ расстоянии.

Чрезъ несколько времени пение и звонъ утихаетъ, изъцелившаяся и здоровая просить небесныхъ посетителей наставить ея, где и какъ провести ей останокъ временной жизни. Просить позволения удалится въ монастырь, получаетъ ответъ: «Живи здесь. Я, святитель Воронежский Митрофанъ, и Ангелъ твой хранитель будемъ наставлять тебя, какъ вести себя». Потомъ сей же гласъ объявляетъ скорое въскрытие и прославление мощей четырехъ святителей Смоленскихъ.

Сему же⁴ еще не кончилось, изъцелившая предъсказываетъ, что она чрезъ несколько минутъ умретъ. Настаетъ назначенное время, она умираетъ. Присутствующие особы делаютъ испытание, точно ли она умерла. По всемъ признакамъ признаютъ ея умершею.

л. 2 об. Проходить 6 часовъ, умершая содрагается, оживаетъ, говорить: «Ахъ, какъ трудно въ тело грешное!» За симъ // жива; теперь живетъ, славя Господа, сотворшаго диво съ нею. Симъ оканчивается чудо.

На томъ месте, где присутствовавшие особы слышали гласъ, на полу комнаты видны следы ногъ, какъ будто въдавленные пядины.

Присутствовавшия особы по общимъ подписямъ зъделали донесение Императору. Архипастырь, видя ея и говоря съ нею, съделалъ такъже донесение.

Великъ Господь и милосердь къ намъ, грешнымъ!

Аминь.

Анна Сергевна Азанчевская Безобразова фамилия изъцелившей.

1835⁵ года 25 генваря.

Список литературы

Безотосный В. М. и др. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М.: Студия Тритэ: Рос. архив, 1996. Т. 7. С. 288—645.

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.

Дмитриева Р. П. О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV—XVII вв.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 645—657.

Зеленина Я. Э. О чудесах святителя Митрофана Воронежского // Воронежский епархиальный вестник. 2004. № 1 (71). С. 79—85.

Зеленина Я. Э., Устинова И. А. Митрофан Воронежский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2017. Т. 45. С. 442—461.

Кистерев С. Н. Ульяна Иевлевна, жена гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева // Вестник Альянс-Архео. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. Вып. 32. С. 89—97.

⁴ Испр., в ркп жа.

⁵ Последняя цифра в указании на год написана очень нечетко, похожа на сильно вытянутую латинскую S.

Колечицкая А. И. Мои записки от 1820-го года / Публ. Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернака // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс Atheneum, 1995. С. 277—341.

Лобакова И. А. Сказания о посмертных чудесах в Житии Галактиона Вологодского: К вопросу о развитии сюжетного повествования в XVII веке // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 304—312.

Паломнические путешествия на Святую землю / Подгот. текста и коммент. И. В. Федоровой // БЛДР. СПб.: Наука, 2020. Т. 20. С. 172—248, 353—392.

Федотова М. А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 560 с.

Федотова М. А. Чудеса Димитрия Ростовского: богомольцы с Русского Севера // Рябининские чтения: Материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архит. заповедник «Киж», 2011. С. 462—465.

Шпиленко Д. П. Материалы к родословию Смоленского дворянства: В 2 кн. М.: Старая Басманная, 2006. 956 с.

References

Bezotosnyi V. M. i drugie. Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deistvii protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812—1815 godakh // Rossiiskii arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vekov. Moskva: Studiia Trite: Rossiiskii arkhiv, 1996. Т. 7. С. 288—645.

Dmitriev L. A. Zhitii nye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII—XVII vekov: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii. Leningrad: Nauka, 1973. 303 s.

Dmitrieva R. P. O chudesakh sviatykh, pomogaiushchikh terpiashchim bedstvie na Belom more (XV—XVII veka) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2001. Т. 52. С. 645—657.

Fedotova M. A. Chudesa Dimitriia Rostovskogo: bogomol'tsy s Russkogo Severa // Riabininские chteniia: Materialy VI konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiia Russkogo Severa. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi zapovednik «Kizhi», 2011. С. 462—465.

Fedotova M. A. Sviatitel' Dimitrii Rostovskii: Zhitie, Sluzhba, chudesa: Issledovanie i teksty. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 2022. 560 s.

Kisterev S. N. Ul'iana Ievlevna, zhena gostia Gavrily Martynovicha Fetieva // Vestnik Al'ians-Arkheo. Moskva; Sankt-Peterburg: Al'ians-Arkheo, 2020. Vypusk 32. С. 89—97.

Kolechitskaia A. I. Moi zapiski ot 1820-go goda / Publikatsiia E. E. Liaminoi i E. E. Pasternaka // Litsa: Biograficheskii al'manakh. Moskva; Sankt-Peterburg: Feniks Atheneum, 1995. С. 277—341.

Lobakova I. A. Skazaniia o posmertnykh chudesakh v Zhitii Galaktiona Vologodskogo: K voprosu o razvitiu siazhetnogo povestvovaniia v XVII veke // Krugi vremen: V pamiat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi. Moskva: Indrik, 2015. Т. 2. С. 304—312.

Palomnicheskie puteshestviia na Sviatuiu zemliu: «Putevye zapiski» podporuchika Il'i Sysoeva; Puteshestvie krest'ianina Iakima Vasil'eva; Puteshestvie devitsy Anny Alekseevny / Podgotovka teksta i kommentarii I. V. Fedorovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2020. Т. 20. С. 172—248, 353—392.

Shpilenko D. P. Materialy k rodosloviuu Smolenskogo dvorianstva: V 2 knigakh, Moskva: Staraiia Basmanaia, 2006. 956 s.

Zelenina Ia. E. O chudesakh sviatitelia Mitrofana Voronezhskogo // Voronezhskii eparkhial'nyi vestnik. 2004. № 1 (71). С. 79—85.

Zelenina Ia. E., Ustinova I. A. Mitrofan Voronezhskii // Pravoslavnaia entsiklopediia. Moskva: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», 2017. Т. 45. С. 442—461.